

Хотя днем в этом городе в октябре стояла жара, ночи приносили с собой прохладу.

Линь Чжи стоял на обочине дороги, изображая полупьяного, и с отрешенным видом смотрел в небо.

Кое-кто поблизости подумывал с ним заговорить, но когда Линь Чжи закончил телефонный разговор и оставил на экране телефона набранный номер экстренных служб, те благоразумно предпочли наблюдать издалека.

Этой ночью небо усыпали мириады звезд, но луны было не видеть.

Линь Чжи отвел взгляд от неба — это был редкий момент, когда его разум по-настоящему расслаблялся.

Ему не нужно было делать ничего, кроме как ждать прихода Сун Цзячжу.

Не приходилось думать о каких-то сложных планах, размышлять о бизнесе и деньгах, ведь это был мир школьного камня, и он совершенно точно сможет выполнить задание после окончания выпускных экзаменов, не ломая голову над тем, как заработать золото.

Не нужно было нести на плечах чужие ожидания, не было никаких обязательств, от которых нельзя отказаться.

Линь Чжи разжал ладони и всмотрелся в линии на собственной руке. Понаблюдав за ними какое-то время, он поднял взгляд чуть выше, на маленькую родинку на запястье, словно глядя на уже ушедшее в даль прошлое.

Под неярким светом уличного фонаря одинокая фигура девушки казалась слегка утонченной и печальной.

Именно эту картину увидел Сун Цзячжу, когда прибыл на место, и тут же вышел из машины.

Поскольку ехать пришлось издалека, Сун Цзячжу вызвал такси через приложение, чтобы расплатиться прямо с телефона и обойтись без лишних слов.

Сун Цзячжу подошел к Линь Чжи и даже специально заглянул ему в лицо, чтобы убедиться, что он не ошибся человеком, а затем заказал другую машину через агрегатор.

Поскольку он не мог говорить, то не имел возможности расспросить Линь Чжи об адресе и оставалось только отвезти его к себе домой.

Некоторое облегчение принесло то, что Линь Чжи не стал устраивать пьяных дебошей прямо на улице, превращая ситуацию в неуправляемую.

Он легко похлопал Линь Чжи по плечу. Линь Чжи прищурился, бережно обхватил его лицо руками, внимательно всмотрелся, расплылся в улыбке и прильнул к нему.

— Сун Цзячжу, ты пришел.

Щеки Линь Чжи покрывал пьяный румянец, а блестки, украшавшие макияж под глазами, делали его таким же прекрасным и ослепительным, как звезды на ночном небе.

В таком состоянии Линь Чжи казался совершенно непривычным — вовсе не тем обычным учеником в школьной форме и даже не тем человеком без маскировки на дополнительных

занятиях, а кем-то неуловимым, чью суть Сун Цзячжу был не в силах описать, отчего чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Он отступил на шаг назад, позволяя руке Линь Чжи соскользнуть с его лица, и лишь поддержал его за плечи, однако тепло чужой ладони, казалось, все еще осталось на коже; он опустил глаза, избегая смотреть в этот взгляд.

Линь Чжи уловил исходящий от Сун Цзячжу запах стирального порошка — смесь солнечного тепла и юношеской свежести, — прижался к нему и затянул какую-то песню без мотивов.

Он не из тех, кто легко кому-то доверяет, но просто держал в уме, что Сун Цзячжу и Мин Яо по сути — один и тот же человек, поэтому в его движениях невольно проскользнула доля доверия.

Сун Цзячжу следил по телефону за приближением машины и изо всех сил подавлял в себе желание оттолкнуть этого пьянчугу.

Водитель прибыл, и Сун Цзячжу усадил Линь Чжи в салон. По прибытии он снова вытащил Линь Чжи из машины.

Пьяница всё время вел себя тихо, и когда Сун Цзячжу уже с облегчением выдохнул, Линь Чжи, неожиданно для него, снова начал капризничать.

— Сун Цзячжу, носи меня наверх на спине.

В детском, полном опьянения и невнятном голосе вновь и вновь звучало его имя, отчего Сун Цзячжу немедленно зажал ему рот рукой.

Звукоизоляция в старом жилом комплексе была не самой лучшей, и Сун Цзячжу опасался, что уже завтра весь район будет судачить о том, как посреди ночи пьяный человек во весь голос звал его по имени.

— М-м-м.

Линь Чжи, с зажатым ртом, не мог издать ни звука. Он смотрел на Сун Цзячжу, его затуманенные влажные глаза моргали, и вид у него был донельзя невинный.

В этот самый миг датчик движения в подъезде погас. Фонарь у входа в жилой дом давно сломался, и из-за отсутствия источников света человеческое зрение на мгновение отказало.

И в это же мгновение Сун Цзячжу ощутил мягкость и влажность в центре ладони.

Подкожно, казалось, побежали крошечные разряды тока, словно у него даже на миг пропали силы, и Сун Цзячжу машинально разжал руку — ладонь жгло так, будто её опалило пламенем.

— Сун Цзя...

Он снова собирался назвать его имя.

Сун Цзячжу стиснул зубы, перехватил Линь Чжи другой рукой, зажав ему губы, а затем, не давая тому опомниться, взвалил его себе на плечо и зашагал вперед.

Линь Чжи был неизвестно во что одет, кожа на его икрах на ощупь казалась шёлковой. Сун Цзячжу крепче обхватил его и на предельной скорости поднялся наверх, отпирая дверь.

Торопливо захлопнув дверь за собой, Сун Цзячжу собирался уложить Линь Чжи на диван, бросить на него одеяло и уйти в свою комнату, больше к нему не подступаясь.

Но Линь Чжи обнял его слишком крепко, и когда он швырнул его на диван, сила инерции Линь Чжи неизбежно увлекла за собой и его самого, повалив на диван.

Сун Цзячжу в очередной раз почувствовал усталость от своей немоты и попытался взглядом заставить Линь Чжи разжать руки.

Однако пьяный человек был совершенно неспособен уловить его сигналы, и когда он попытался подняться, тот снова залез сверху.

Сун Цзячжу сидел на диване, а худой юноша сидел верхом у него на коленях, уткнувшись лицом ему в грудь.

Он уже собрался силой содрать с себя прилипшего человека, как вдруг услышал бормотание Линь Чжи:

— Маленький немой, я скучаю по маме и папе.

Рука Сун Цзячжу замерла. Перед глазами вновь замаячили кровавые и жестокие картины, и он, погруженный в оцепенение, слушал обрывочные, сбивчивые рассказы Линь Чжи о тех крохах совместной жизни с родителями, что еще теплились в его памяти.

Поскольку информации, предоставленной системой, было немного, сразу после перемещения Линь Чжи занялся поисками того, как сложилась дальнейшая судьба Сун Цзячжу.

Из-за тяжести совершенного преступления тот грабитель-убийца, ворвавшаяся в дом, уже давно был приговорен к расстрелу.

Виновные давно мертвы, а тем, кто остался жить, досталась лишь бесконечная боль.

Именно она служила для Сун Цзячжу барьером, отгораживающим его от всего мира, и в то же время оставалась единственным местом, где он позволял себе проявить уязвимость. Хотя все вокруг догадывались, что Сун Цзячжу, возможно, сирота, многие также считали, что его родители просто очень заняты. Никто точно не знал его прошлого, поэтому, заговорив об этом, Линь Чжи не только не вызвал у него острой реакции, а лишь пробудил глубокую тоску.

Впрочем, целью Линь Чжи было вовсе не это мимолётное проявление нежности — он намеревался оставить яркий, неизгладимый след в сердце юноши, еще не видавшего настоящей роскоши.

Сун Цзячжу почувствовал неладное: голос Линь Чжи звучал всё медленнее, тот бессознательно слегка потёрся бёдрами о его колени и принялся тереть воротник.

— Странно как-то...

Лицо юноши, в чьих чертах с трудом угадывался пол, было затуманено раздражением, пуговицы на рубашке оказались расстегнуты, обнажая небольшой участок ключиц.

В его взгляде читались растерянность и досада, он словно из последних сил заставлял онемевший разум соображать.

Край плиссированной юбки покачивался в такт его движениям, принося с собой сухое и знойное дыхание лета.

Прядь длинноватого парика упала на шею и тут же скользнула обратно.

— Не двигайся, немой.

Заметив, что Сун Цзячжу пытается его оттолкнуть, Линь Чжи заговорил с заметным раздражением.

Сун Цзячжу слегка напрягся. Слушаться Линь Чжи он вовсе не собирался и попытался тут же отстраниться.

Из-за чересчур близкого расстояния он отчетливо уловил исходивший от Линь Чжи аромат — сладкий, дурманящий и хаотичный, казалось, он грозил превратить в такой же беспорядок и всю его жизнь.

Когда он резко подался вперед, намереваясь оттолкнуть Линь Чжи, чья-то рука легла ему на лицо, заслоняя глаза.

— Смотреть нельзя.

В этих дрожащих словах Сун Цзячжу слышалось даже то, что Линь Чжи, пожалуй, плакал.

Хотя обзор был перекрыт, в памяти всплыл тот самый урок физкультуры в полуденный час и слезы на глазах Линь Чжи, смотревшего на него при ослепительно ярком свете солнца.

Сун Цзячжу больше не стал его отталкивать: он понимал, что Линь Чжи, судя по всему, вовсе не добивается от него чего-то конкретного, к тому же пьяный человек сейчас явно находился в крайне жалком положении. В этом унижительном беспутстве, быть может, таящем капельку стыда, ему не хотелось привлекать к себе чьего-либо внимания.

Он был ему неинтересен, а у этого безумца имелся собственный предмет воздыхания.

Соприкосновения, трение, теснота — это невероятно чужое и чересчур интимное ощущение заставило мочки ушей Сун Цзячжу порозоветь, а брови — сойтись на переносице. Опустив руки вдоль тела, он невольно сжал их в кулаки, изо всех сил стараясь ничего не слышать и не видеть.

Но стоило лишиться зрения, как слух обострился до небывалых пределов.

Ночь стояла тихая — настолько тихая, что Сун Цзячжу слышал только голос Линь Чжи.

Бессвязные звуки, то затихая, то нарастая, походили на дико разрастающиеся, оплетающие всё вокруг побеги лиан.

Сун Цзячжу и сам не понимал, как всё дошло до такого, но его мозг словно временно отключился и отказывался хоть капельку соображать.

Рука, закрывавшая его лицо, казалось, слабела, грозя соскользнуть вниз, однако она по-прежнему упорно продолжала заслонять ему глаза.

Сун Цзячжу невольно приоткрыл веки и сквозь щель между пальцами Линь Чжи увидел его слегка откинутую шею и закрытые глаза.

Хрупкое безумие, соблазнительный облик, смешанные с какими-то другими эмоциями, которые Сун Цзячжу был не в силах описать.

Больше смотреть он не смел, перевел взгляд в сторону и торопливо зажмурился.

И всё же согнутые ноги Линь Чжи и качающийся подол юбки уже намертво впечатались в его память. Воздух сделался тяжелым и духотистым — словно в липком, хаотичном и сухом лете, где от малейшей искры всё вспыхивает так, что невозможно обрести ясность ума.

Ярко-малиновая юбка выделялась насыщенным цветом, напоминая потоки свежей крови.

Сун Цзячжу неизбежно подумал о том, не воображает ли закрывший глаза Линь Чжи кого-то другого, лишь бы его мысли вырвались из этой ловушки.

Ему стало немного любопытно — какая именно девушка могла прийти по вкусу такому человеку, как Линь Чжи, заставляя его лишь тайком следовать по пятам и преваться мрачными фантазиями?

Впрочем, любопытство было сущим пустяком, для него это не имело никакого значения.

Сун Цзячжу крепче зажмурил глаза, чтобы заглушить странную, расплзающуюся в груди кислую боль.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Сун Цзячжу почувствовал, как рука Линь Чжи сползла с его лица. Раскрыв глаза, он встретился взглядом с чуть расфокусированным

взором Линь Чжи.

Щеки покрыл румянец, а во взгляде читалось ленивое удовлетворение.

Немного покачиваясь, тот попытался встать и уйти, но вдруг издал шипящий звук и слегка приподнял голень.

На его черных капроновых гольфах до колен красовалась затяжка, оставившая длинную полосу, на фоне которой белела кожа.

— Ты порвал их, немой, с тебя компенсация.

Линь Чжи с укором посмотрел на Сун Цзячжу, а тот уставился на декоративную молнию по краю собственных брюк, совершенно не понимая, как такое вообще произошло.

Помолчав немного и избегая смотреть на Линь Чжи, Сун Цзячжу просто кивнул, а затем машинально принялся показывать жестами, сколько тот должен.

Сообразив наконец, что Линь Чжи всё равно ничего не поймет, он достал из кармана сто юаней и протянул ему.

— Оставь себе, считай, это плата за завтрашний урок.

Линь Чжи потёр виски и снова опустился на диван Сун Цзячжу.

— В таком виде мне возвращаться нельзя, одолжу-ка твой диван на ночь.

Он говорил совсем не в форме предложения: сбросив туфли на толстом каблуке, он прямо так и рухнул на диван Сун Цзячжу.

Диван был небольшим, но благодаря его точеной фигуре места вполне хватило.

Малиновая плиссированная юбка естественно свисала вниз, а на ее ткани виднелись мелкие белые пятнышки. Порванные чулки до колен бросались в глаза даже в полумраке. Сун Цзячжу подергал декоративные тесьмяные завязки на штанинах, зашел в свою спальню, вытащил оттуда плед и небрежно бросил его на Линь Чжи.

Сун Цзячжу вернулся в комнату и закрыл дверь.

Лишь теперь он заметил, что на его собственных брюках тоже остались какие-то следы. С мрачным и перекошенным от неудовольствия лицом он отбросил одежду в сторону, решив завтра с утра пораньше принять душ. Сейчас у него не было ни малейшего желания выходить

из спальни.

На диване в гостиной Линь Чжи перевернулся на другой бок и сел.

Спать в таком виде было неудобно, макияж с лица он тоже не смыл. Если бы он так и заснул, завтра утром Сун Цзячжу наверняка увидел бы его парик, свалявшийся за ночь, — зрелище определенно не из приятных.

Линь Чжи не спешил направляться в ванную. Он знал, что Сун Цзячжу еще не уснул. В его сумочке всегда лежала мицеллярная вода — к подобному он подготовился заранее.

01, полный бодрости и энтузиазма: □Докладываю! Объект только что открыл глаза, ровно один раз!□

Линь Чжи мысленно усмехнулся в ответ. Он знал об этом, поскольку сам рассчитал момент, когда Сун Цзячжу откроет глаза: стоило ему надавить пальцем на точку, причиняющую неудобство, как тот невольно зажмурился, а затем приоткрыл веки.

Этого одного взгляда было вполне достаточно — в конце концов, слух у Сун Цзячжу работал прекрасно.

Линь Чжи снова лег на диван и завел будильник на смартфоне.

□Разбуди меня через два часа.□

01: □Без проблем!□

Спать на этом диване было неудобно. Линь Чжи немного поерзал, привыкая, прикрыл глаза и погрузился в сон.

Он вовсе не собирался пробираться в спальню Сун Цзячжу под предлогом опьянения. То было запретное убежище Сун Цзячжу, его закрытая для посторонних территория.

Плотно закрытая дверь спальни отражала его собственную запертую наглухо душу.

В первую неделю дополнительных занятий он попытался прощупать почву, но больше испытывать судьбу не планировал.

Иногда можно добиться своего напролом, но порой — ни в коем случае нельзя.

Действовать постепенно, не спеша.

Линь Чжи действительно утомился. Будь то выпитый алкоголь, легкое раздражение от съеденного накануне или последующее расслабление — вскоре он крепко заснул.

В пять часов утра Сун Цзячжу открыл глаза.

Установленный им будильник еще не звонил, и он выключил его сам.

Красные прожилки на белках глаз красноречиво свидетельствовали о качестве его ночного сна. Сун Цзячжу потер пульсирующие виски и тяжело выдохнул застоявшийся воздух.

По мере взросления он почти перестал видеть сны, и благодаря помощи врача качество его сна постепенно улучшалось: хотя порой воспоминания о прошлом и возвращались, большую часть

времени ночи проходили без сновидений.

Прошлой ночью он впервые за последние два месяца видел сон. Ему привиделось лицо Линь Чжи — то хрупкое и в то же время нестигаемое, невинное и безумное выражение, его раскачивающийся подол юбки, согнутые колени и тонкие черные чулки выше колен, которые он невольно испортил.

Вот только в сновидении Линь Чжи не лежал с закрытыми глазами и откинутой назад головой, обнажая изящный изгиб шеи.

Он смотрел прямо на него: то с фольшивой невинностью, сквозь которую сочилась откровенная злоба, то с почти кристально чистыми слезами на глазах.

Будь Линь Чжи девушкой, он определенно стал бы пленительным образом из юношеских грёз. Но он был парнем, и от этого причудливого переплетения, противоречащего всем социальным нормам, веяло столь ярким духом бунтарства, что забыть увиденное было невозможно.

Посмотрев на календарь, Сун Цзячжу мысленно вычеркнул еще один день.

Выйдя из спальни и проходя мимо гостиной, Сун Цзячжу заметил затылок Линь Чжи и растрепанные мягкие пряди волос.

Он замер на мгновение, чувствуя неладное. Заметив оставленный на столе парик, он понял, что посреди ночи Линь Чжи просыпался.

Направившись в ванной и заглянув в корзину для грязного белья, он на добрые пять секунд впал в полный ступор.

Там лежала вся одежда целиком, включая порванные длинные чулки и нижнее белье... Это означало, что Линь Чжи в гостиной был...

Сун Цзячжу тут же выскочил из ванной и, заметив плотно задёрнутые шторы, с облегчением выдохнул.

Этот психопат Линь Чжи — если бы его увидели из соседних окон, пошли бы такие слухи, от которых у него самого уши бы вяли.

Он не мог говорить и уж тем более не смог бы ничего объяснить.

Умывшись и приняв душ, Сун Цзячжу вышел из ванной с влажными волосами и нос к носу столкнулся с сидевшим на диване Линь Чжи.

Темно-синий плед укрывал Линь Чжи ниже ключиц, босые ноги стояли на темном деревянном полу. На его чистом от вчерашнего макияжа лице проступали мягкие черты, свойственные юноше.

— Хорошо, что ты взял трубку, иначе я даже не знал бы, кому звонить.

Линь Чжи произнес это легким, непринужденным голосом, в его тоне не было ни капли смущения.

Сун Цзячжу взял блокнот с ручкой и написал послание Линь Чжи.

— Больше я отвечать не стану. Тебе лучше не ходить в подобные места.

— Вчера я пошел туда впервые, потому что знал: ты в курсе моего секрета. Иногда мне кажется, что быть разоблаченным — не такая уж плохая вещь, по крайней мере, становится чуточку легче.

Линь Чжи посмотрел на парик, и голос его упал до шепота.

В этот момент он невероятно сильно походил на себя прежнего в стенах школы — тихого и совершенно безобидного.

Однако стоило ему повернуть голову, как Сун Цзячжу понял: только что испытанное ощущение было лишь иллюзией.

— Как здорово, что ты немой.

Юноша улыбнулся. Это была констатация факта без тени злобы, но от сквозящего в ней злорадства у Сун Цзячжу кровь застыла в жилах.

Теперь Сун Цзячжу вовсе не интересовалось, кто нравится Линь Чжи, — ему лишь казалось, что тому бедолаге, в которого тот влюбился, выпало страшное несчастье.

— Дай мне какую-нибудь одежду. Нижнее белье тоже нужно.

Линь Чжи потребовал это с таким видом, будто так и надо, а Сун Цзячжу лишь с трудом подавил в себе желание ввязаться в перепалку.

Линь Чжи не умел читать язык жестов, а ругаться записками или перепиской в телефоне было слишком утомительно. К тому же нельзя же в самом деле позволить Линь Чжи разгуливать голышом, а до выхода в школу оставался всего час.

Сун Цзячжу отыскал для Линь Чжи комплект своей старой формы за первый год старшей школы — за последние два года он сильно вырос, и прежние вещи стали малы.

Что до нижнего белья, Сун Цзячжу распаковал новое и отдал его Линь Чжи, а сам ушел в комнату, велев тому переодеться.

Линь Чжи скрылся в ванной и натянул старую школьную форму Сун Цзячжу.

Хм, судя по ощущениям от одежды и вчерашним воспоминаниям, результатом он остался весьма доволен, хотя на душе у него скребли смутные сомнения.

Было всего полшестого утра, а утренняя самоподготовка в Девятой средней школе начиналась в 6:50.

Воспользовавшись стиральным порошком Сун Цзячжу, Линь Чжи отправился на балкон стирать вещи.

Услышав журчание воды, Сун Цзячжу яростно заскрипел ручкой по бумаге и сунул записку прямо перед носом Линь Чжи.

— Нельзя было постирать дома? Только не суши это у меня.

Линь Чжи по слогам прочитал написанное и ответил:

— Нельзя.

Выбросив рваные черные капроновые носки в мусорное ведро, он принялся вручную отстирывать три вещи.

Сун Цзячжу плотно сжал губы — было очевидно, что он крайне недоволен.

— Ладно, можешь не возмещать мне стоимость чулок — считай это платой за сушку. Вечером я заберу вещи домой.

Линь Чжи взглянул на Сун Цзячжу. Тому по-прежнему эта идея не нравилась, но, понимая, что Линь Чжи своего не упустит, он лишь молча развернулся с ледяным выражением лица и ушел.

Сегодня был понедельник. Домашнее задание, заданное вчера после обеда, состояло из двух тестовых бланков. Линь Чжи вытащил из своей сумочки аккуратно сложенные листы и сунул их в рюкзак Сун Цзячжу.

Сун Цзячжу еще со вчерашнего дня догадывался, что Линь Чжи звонил ему умышленно, а теперь лишь окончательно убедился, что тот всё спланировал заранее, с трудом сдержав порыв вытащить тесты обратно.

Расписание уроков не менялось, и вторым уроком после обеда стояла физкультура.

Сун Цзячжу поневоле вспомнил события прошлой недели. Хотя прошла вся неделя, казалось, будто миновало целая вечность, а до полугодовых экзаменов оставалось еще так много времени.

Обязательные восемьсот метров. Линь Чжи бежал ровным темпом и с трудом плелся где-то в середине колонны.

Когда объявили свободное время, Сун Цзячжу в одиночестве ушел в тень писать задачки, а Линь Чжи даже не думал следовать за ним.

Хорошего понемножку: вчерашней и утренней порции потрясений было достаточно, к тому же на вечер он припас кое-что еще, так что приближаться к нему сейчас не имело смысла.

— Чего это у тебя выносливость вдруг улучшилась? Больше не тащишься в хвосте вместе с нами.

Хэ Юйцин подошла к Линь Чжи и протянула ему леденец.

— Немного позанимался кардио, кажется, сил прибавилось.

Тихо ответил Линь Чжи. Следуя привычке прежнего хозяина тела, он избегал смотреть людям в глаза; поблагодарив одноклассницу, он в знак благодарности поделился с ней собственными снеками.

Рядом с Хэ Юйцин крутились две ее лучшие подруги: одну звали Цяо Юйси, другую — Ван Лин.

Цяо Юйси, тоже с короткой стрижкой, была довольно тихой и скромной, а высокая и худощавая Ван Лин с длинными черными волосами, собранными в высокий хвост, отличалась бойким характером.

Во время прошлой пробежки Линь Чжи уже успел это заметить: среди всей троицы слабейшая выносливость была только у Хэ Юйцин. Две другие девочки вполне могли добежать до середины группы, а Ван Лин и вовсе держалась бы в лидерах, но, должно быть, не желая

оставлять подругу позади, они неизменно плелись рядом с Хэ Юйцин, а порой даже брали ее за руки и тащили за собой.

Ван Лин приняла печенье и обратилась к Линь Чжи:

— Не хочешь сыграть в бадминтон? Нас как раз наберется на две команды, сможем меняться на поле.

Хэ Юйцин жалобно взывала:

— Помилуйте! Можно мы просто где-нибудь посидим? Тем более я до сих пор не разобралась с той задачей, о которой тебя спрашивала.

В отличие от физкультуры, успеваемость Хэ Юйцин превосходила показатели ее подруг: она стабильно входила в пятерку лучших учеников класса, Цяо Юйси держалась в середнячках, а Ван Лин — чуть ниже среднего.

Цяо Юйси предложила:

— Тогда, может, оставим ее на потом и спросим учителя математики?

Хэ Юйцин покачала головой:

— Я уже ходила в учительскую, но преподавателя по математике там не было. Придется попытать счастья у кого-нибудь другого из их кафедры. Пошлем Лю Гао задать вопрос, а мы просто слушаем со стороны!

Лю Гао был старостой класса по математике в очках.

Ван Лин посмотрела на Линь Чжи, поджала губы и бросила:

— Спросите лучше у нашего гения.

Окутанный ореолом всеобщего восхищения и при этом чертовски привлекательный, Сун Цзячжу вызывал жгучее любопытство у большинства школьников, однако его физический изъян и отстраненность заставляли остальных держаться на расстоянии.

Но хотя на прекрасном нефрите и была крошечная трещинка, она не умаляла его достоинств. Многим юным девушкам этот недуг Сун Цзячжу лишь добавлял материнского инстинкта и нежности, однако он предпочитал одиночество и неизменно вежливо, но твердо отказывал всем признавшимся в чувствах, поэтому со временем все молчаливо решили его не беспокоить.

Хэ Юйцин и Цяо Юйси, услышав слова Ван Лин, тоже устремили взгляды на Линь Чжи, а в их глазах заплясали огоньки сплетен.

Хэ Юйцин с любопытством протянула:

— Точно, Линь Чжи, с чего это вы с этим гением так сблизились? Неужели потому, что оба такие тихие? Противоположности притягиваются, а схожие характеры... в общем, сошлись душами?

От глаз коллектива не укроется ничто. Некоторые усердные ученики приходили в класс спозаранку и замечали кое-какие детали, а уж по классу подобные слухи разносились с молниеносной скоростью.

Например, несколько дней назад все видели, как Сун Цзячжу принес в школу рюкзак Линь Чжи, а потом достал оттуда тетрадь с домашней работой для него.

Хотя в остальном они почти не общались, одного этого было более чем достаточно для подозрений.

Правда, поскольку близко ни с тем, ни с другим никто не общался, расспрашивать напрямую никто не решался.

Кое-кто даже шушукался, не нанял ли Линь Чжи школьного гения делать за него домашку, но после проверки старостой, собирающим тетради, эта версия отпала сама собой.

Значит, они либо делали уроки вместе, либо и вовсе жили под одной крышей. Как бы то ни было, очевидно одно: их отношения были исключительно крепкими.

Линь Чжи слегка улыбнулся и произнес:

— Мы просто соседи по парте.

<http://bllate.org/book/21583/2223987>